

Места хватит всем

Игнатов Алексей

Алексей Игнатов

Места хватит всем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579073

SelfPub; 2023

Аннотация

Один дом стоит среди трущоб, нищеты и картонных хижин. Чистый и теплый, большой, с горячей водой, мебелью и холодильниками, набитыми едой. Никто не знает, откуда он, кто его построил и кто живет внутри. Ясно только одно – места в нем хватит всем! Если они посмеют войти.

Алексей Игнатов

Места хватит всем

Ветер поднимает песок и несет вдоль стен построек, не достойных права называться домами. Песок срезает пузыри старой краски, царапает картонные стены, мелкая пыль покрывает оконные стекла там, где они еще есть. Дождь смывает ее, и потоки грязной воды наполняют улицы, но чистые дома, отмытые от грязи, выглядят еще хуже, чем покрытые пылью.

Самый старый дом с кривыми стенами покажется роскошным тому, кто вырос в настоящих трущобах, где на домах никогда не было табличек с адресами. Протекающая ванна, полная ржавой воды, стала бы подарком для того, кто несет ведро от водонапорной колонки, одно на пятьдесят домов. Тот, в чьих окнах есть стекла, может считать себя богачом в таком районе. И королем, если у него есть работа! Королем и жертвой сразу.

У кого есть работа, у того есть деньги. И он должен быть очень осторожен среди тех, у кого нет денег, но есть оружие. Люди в трущобах часто пропадают, по одному или целыми семьями, и никто не станет их искать.

И только одно место здесь отличалось от прочих. Один дом возвышался над всеми, во весь рост своих трех этажей, вмещавших двадцать семь квартир. Сложенный из белых

кирпичей, всегда чистый, как будто дожди и песок обходили его стороной. Он стоял чуть на отшибе, за невидимой чертой, перейти которую не смела ни одна хижина. В доме не было счастливых жильцов. Никто не смог бы ответить, кто и когда построил его в трущобах. Самый старый их обитатель смог бы сказать только, что дом тут стоял еще до него.

Пустой, запертый, обнесенный высоким забором из сетки, перевитой с колючей проволокой. «Частная собственность! Вход воспрещен! Установлена сигнализация!» – запугивали прохожих таблички, повешенные через каждые пять метров. Среди разрухи дом ждал чего-то. Ждал, полный места, тепла, уютных квартир. Ждать оставалось уже не долго.

Фирсон шел домой.

Это простые слова, и они совершенно не передают суть ситуации. Он шел в то место, которой называл домом, к жене, которая становилась злее с каждым днем. К больному ребенку, для которого нет лекарств. Шел с пустыми карманами. Он не нашел работу, и не нашел ничего, что можно было бы украсть, так что сегодня можно не рассчитывать на ужин.

Грязь под ногами и грязь на стенах вокруг, звуки драки где-то рядом, и звуки, с которыми пьяный блюет на входную дверь соседа. Острый запах мочи от каждого дерева. Все это не так и плохо, если сравнивать с моментом, когда придется посмотреть в глаза дочери, и сказать, что папа снова не нашел денег ей на лекарства. И что она снова не будет есть.

Фирсон шел домой.

Он не спешил и шел так медленно как мог. У забора, окружавшего дом, он остановился и взялся руками за сетку. Шип колючей проволоки воткнулся в ладонь, и Фирсон сжал его, вгоняя глубже в тело. Вся эта никчемная жизнь построена на боли, и еще немного мелких страданий поможет отвлечься от главного.

Он рассматривал белоснежный дом за забором. Дом, в котором волосы его дочери не будут примерзать к стене зимними ночами. Дом, в который никто не решается войти. Кто его владелец? Корпорация? Правительство? Картель, успешно заменяющий в трущобах и правительство, и корпорации?

Фирсон поднял камень с земли и метнул его по высокой дуге. Это был сложный бросок, но камень перелетел забор, и стекло в окне дома разлетелось на куски. Вот теперь точно стало легче! Но ненадолго.

Он шел домой, и шпана на улице ограничивалась только презрительными взглядами. Они ощущали, как он беден – даже в понятиях трущоб, даже по сравнению с ними. На самом деле беден не тот, у кого мало денег. Беден тот, у кого уже нечего украсть. Без денег, работы, и в свои тридцать девять лет уже слишком старый, что бы разносить наркотики или грабить нищих. Старость приходит в тот момент, когда понимаешь, что не сможешь победить в драке с кучкой подростков, и обходишь их стороной, вместо того, что бы спихнуть с дороги.

Он не поздоровался с женой, когда пришел домой. Не поцеловал губы, покрытые пузырьками непобедимого герпеса. Вместо: «Привет!» много дней уже он говорил только одно:
– Как она?

«Она» – это его дочь, и ответ всегда был: «Плохо». Жар не спадал, и температура ее тела точно совпадала с возрастом отца. Она не росла и не падала, и не было ни лекарств, ни врачей. Не было и денег, что бы их получить. Народные средства не помогали, ни отвар травы, вырванной из трещин в асфальте, ни бульон, сваренный из невезучего и слишком ленивого голубя.

Жена сидела в углу и грела в руках рюмку. Единственная радость и способ забыться, но радость слишком дорогая, что бы позволить себе больше, чем одну рюмку. И слишком мерзкая на вкус. Но нищим выбирать не приходится.

– Плохо, – ответила она, как отвечала каждый день. – Жар не проходит. Она опять вся пропотела, и ничего не помогает! Я молилась, да все без толку. Говорят, надо нитку завязать ей на запястье, ночью, в полнолуние...

– Хватит! – гаркнул Фирсон и услышал, как проснулась дочка в соседней комнате. Пройдет минута, и она начнет кашлять, и кашлю не будет конца.

– Хватит! – гаркнул он снова, но уже шепотом – Бред это, хрень полная! Какая нитка? Думаешь, отдашь последнее шарлатанам, они тебе сделают свою мумбу-юмбу, проведут обряд на могилке и все болезни уйдет на покойничка? Ты

это уже устроила, помнишь? Спустила наш последний запас крупы!

– Я хоть что-то делаю! – заорал жена, но тоже шепотом. Ни один из них уже не ждал, что дочь поправится, но оба молились, что бы она уснула без нового приступа кашля. Изматывающего, бесконечного кашля, после которого на подушках остаются мелкие красные брызги.

– Я хоть пытаюсь! А что ты? Деньги где? Ты нашел работу?

Врезать бы ей! Но Фирсон опустил кулак. Драка разбудит дочь, и кашля будет не избежать. Она пока затихла. Уснула. Или уже умерла! Проверять не было сил. Он опустил кулак и забрал рюмку, прорываясь сквозь вялое сопротивление жены. Выпил залпом, достал бутылку и поставил ее на стол. Месячный запас, такой же ценный как деньги. Курить в доме почти нечего, и еда закончилась, но этот запас еще есть.

– Ты что творишь? – такая расточительность ужаснула жену куда больше, чем болезнь дочери. – Мы на это можем выменять аспирин, таблеток пять!

– Можем, – согласился Фирсон, – но не меняем. Потому что мы же оба знаем – когда кашляют кровью, аспирин уже не поможет. Не знаю, что тут вообще поможет. Но знаю, что умирать в тепле будет приятнее. А может в тепле, с горячей водой, она даже выживет, да и мы заживем, как люди. Я знаю, где.

Он сказал где, и жена начала читать молитву для защиты

от зла. Все знают, какие слухи ходят про это место. Но люди вечно болтают! К чему слушать безумцев, готовых жить в грязи и кричать: «Уходите отсюда!» – как кричал убитый недавно местный дурачок. Его зарезали, когда крики стали слишком громкими.

Тепло и горячая вода решат все проблемы! Фирсон верил в это. Надо только дождаться утра.

Утро пришло. Голова болела после выпитого, но он вышел на улицу, и опять смотрел на дом за забором. «Частная собственность! Вход воспрещен! Установлена сигнализация!». Вот только для сигнализации нужны датчики и провода. А их нет! Нет камер, нет охраны. Не важно, кто построил дом, важно, кто заменил разбитое стекло. Вчера Фирсон выбил его, и он не первый, дом много раз забрасывали камнями. Когда не можешь получить что-то, всегда хочется это сломать. Но в доме блестели целые оконные стекла. Кто-то заменил их. Может быть даже, кто-то живет внутри. А значит, там есть все, что нужно для жизни. И там очень много места!

– Просыпайтесь! – заорал он, и перепуганные голуби метнулись в небо. – Просыпайтесь, уроды! Вставайте все!

Он шел по тому, что можно было бы назвать улицей – по промежутку между домами. И орал. На него орал в ответ, угрожали смертью и увечьями, и угрозы не были просто словами.

– Пожар! – закричал он. – Горим!

За такие шутки его превратят в отбивную, но он орал и лупил по стенам, и люди начали выскакивать из домов.

– Слушайте, слушайте! – он кричал, перекрывая вопли соседей. – Заткнитесь все и слушайте! Я знаю, где можно взять нормальное жилье! Но один не справляюсь!

Крики смолкли. Можно что-то урывать, и в благородном деле грабежа и мародерства соседу нужна помощь – это все понимали.

– Кто тут видел картель? За весь год хоть раз, кто видел? – Фирсон взобрался на кривобокую скамью, загаженную чей-то рвотой. Это место облюбовали алкаши, но сейчас она годилась на роль трибуны.

– Кто видел мудаков из корпораций? Или из правительства? Кто видел хоть раз за год? Давайте, поднимите руки!

Никто не поднял.

– Они все про нас забыли, – продолжал Фирсон. – Даже картель. Мы тут пропащие, тут даже травку продать некому, всем плевать на нас! Ну и какого рожна тогда нам бояться? Тут только мы, мы тут хозяева, если кто сунется к нам – вышибем из них дерьмо и заставим его сожрать! Кто мешает просто пойти и взять, что нам надо? Нас что, арестуют?

Упоминание ареста повеселило толпу, раздались смешки. Тот, кто последний раз сказал в этих краях слова: «Вы арестованы!» уплыл вдоль то тихим волнам местной реки, прикармливая рыб, на радость рыбакам. И было это больше года назад.

– Ты о чем толкуешь, Фирсон? – крикнул голос из толпы, и Фирсон не понял, кто говорит. – Есть по делу что сказать, или просто поорать пришел, повыпендриваться, какой ты крутой?

– Кто сказал? Покажись! – ответил Фирсон, и толпа расступилась. Старик, имени которого Фирсон не помнил, опирался на кривую железную трость, погнутую о чью-то ретивую голову. Он едва держался на ногах, но говорил вполне уверенно.

– Я сказал! – ответил старик. – Хорош базлать, разорался, даже я слышу. Есть план какой – ну так про него и рассказывай. А нет, так кончай концерт.

Фирсон пошел вперед. Люди расступались, чужие драки никому не интересны. Фирсон подошел и уставился на старика, а тот уставился в ответ. Фирсон протянул руку, взял бороду старика в кулак и молча повернул его голову к дому, видневшемуся в конце того, что можно было бы назвать улицей.

– Вот мой план, – сказал он, и несколько человек поспешно пошли прочь, вдруг вспомнив о важных делах. Толпа забормотала.

– Я знаю, что вы скажите! – прикрикнул Фирсон. – Так что заткнитесь и слушайте, что скажу я. Внутри дома кто-то есть. Кто-то живет там и радуется, пока мы тут, как лохи, подыхаем каждую зиму. Вот ты! Ты двух сыновей похоронил за зиму. А ты дом сжег, когда печку растапливал, и

трех соседей спалил. Хотите повторить? Нет? Тогда нужно найти нормальное жилье! Вот этот вот дом. И в нем кто-то живет уже. Кто-то лампочки меняет, стекла вставляет. Там канализация, горячая вода, свет, тепло, все есть! По две семьи на квартиру, а то и по три – и места хватит всем.

– Так картели же!– бесплотный голос тихо прокрался по толпе.

– А кто тут видел картели? Может, кто работает на картель, а я и не знаю? Нет? Картели про нас забыли давно. Все про нас забыли, и про этот долбаный дом тоже! И нет там никакой сигнализации, просто вы обоссались от страха и боитесь взять свое!

Фирсон только теперь заметил, что все еще держит в кулаке бороду старика и жестикулирует, кивая его головой. Он выпустил бороду, но старик снова кивнул.

– Фирсон дело говорит! Там места всем хватит! Кто окна битые меняет не знаю, но я там ночевал, и нормально – там все шикарно внутри. Никаких картелей, никакой охраны.

– А раз ночевал, чего-же не поселился? – закричал тощий парень в драной толстовке и расхохотался. Ему, похоже, еще хватало денег на таблетки и траву.

– Так я один! – возмутился старик. – Если кто нагрянет, я ж один не отобьюсь. А если все навалимся, нас не выселить! Места хватит всем.

Возмущенный шепот сменился криками, и Фирсон понял, что его дочери не придется больше мерзнуть по ночам. Ко-

гда толпа начинает радостно кричать, она становится диким зверем, не знающим ни страха, ни жалости. Людям сложно решиться, но когда толпа начинает действовать, с ней легко идти в ногу. Гораздо легче, чем сказать ей: «Нет».

– Не бойсь, народ, я тут уже ночевал! – старик впереди толпы шагнул к воротам и ударил их мятой тростью. Металлическая сетка не может удержать серьезный штурм. Живая табличка с надписью про сигнализацию упала на землю, растоптанная десятком рваных подошв. Металл хрустнул, ворота подломились и упали.

Но когда место ворот заняла входная дверь, натиск споткнулся. Крики стихли. Никто не знал, кто построил дом, где его жильцы, и почему дом пугает. А он пугал. Кто-то помнил убитого ударом ножа дурочка, оравшего, что в доме жизни нет. Кто-то вспоминал давние слухи о привидениях, или просто боялся. Толпа – дикий зверь, но зверь, который ничего не начнет без приказа. Ей нужен пример. Фирсон подошел к двери и потянул ручку.

– Не заперто! – крикнул он.

– Заселяемся, народ! Пусть попробуют нас выгнать, придурки! – закричал старик, и толпа снова взревела. Стоит решиться одному, и решатся все.

Ни входная дверь, ни те, что прятали за собой квартиры, не были запреты. Фирсон знал, что будет дальше. Желающих поселиться в доме куда больше, чем тех, кому хватит квартир. Он не выбирал себе жилье. Все, что угодно будет лучше,

чем картонная хижина, в которой лежит его дочь. Он открыл первую же дверь, шагнул внутрь и захлопнул дверь за собой.

– Разбирай квартиры, народ! – орал старик и люди шли мимо двери Фирсон. Они будут выбирать жилье, они захотят посмотреть все до конца, найти лучшую квартиру, и тогда начнется ад. Но его там не будет, он не станет выбирать. Он запер дверь, подпер ее стулом и только тогда огляделся.

Квартира меблированная! Он прыгнул и плашмя упал на кровать. Настоящая кровать, с матрасом и простынями! Фирсон зашел в туалет. Горячая вода в кране! Унитаз с бачком! Он воспользовался им, просто из принципа. Сколько лет назад он последний раз слышал звук воды, текущей из сливного бачка?

Фирсон умылся, и одежда полетела на пол. Он приведет сюда жену и дочь, разумеется, но пока еще рано. Сейчас надо отстоять свое право на квартиру. Ад еще не начался, и пока можно насладиться тем, что есть. Фирсон шагнул под струи душа, и вода почти обварила кожу, но он не жаловался. Горячая вода последний раз касалась его тела два года назад, когда он по случаю угодил на неделю в камеру, и принял тюремный душ.

Но время блаженствовать еще не пришло, ад стремительно приближался. Фирсон заставил себя выбраться из-под струй воды. Хорошо бы постирать одежду, но это успеется. Тем более, что он еще вполне может испачкать ее кровью, уже очень скоро.

Он выбрался из душа и только теперь добрался до кухни. Холодильник работал. И прятал внутри еду и бутылки с напитками. И далеко не с лимонадом! Он отхлебнул коньяк из горлышка. Чей это дом? Тут все готово для жизни, есть чистое белье, свежие продукты, и кто-то же менял разбитые стекла! Получается, в доме кто-то живет? Он не успел обдумать ответ. За стеной раздались крики, и Фирсон понял – ад начался. Он взял кухонный нож из подставки, и встал возле двери.

Квартир в доме не так и много. Места хватит всем, если жить по две, а то и три семьи в квартире. Но кто станет делиться своей новой квартирой с какими-то нищими из трущоб? Квартир не хватит на всех. Тот, кто вошел в квартиру первым, не пустит туда других. И вопрос: «Кто тут будет жить, я или ты?» решится так, как решались все вопросы – через право силы.

– Руки убери, козлина! – завизжал женский голос, и глухой удар оборвал крик. Фирсон прислушался. Еще один удар, новый крик, и хрип, знакомый каждому в этом районе города – такой звук издает человек, вдох которого неожиданно прервал удар ножом. У одной квартиры уже определился хозяин!

Фирсон поставил стул к двери, и сидел с ножом в руке. Кто-то дергал ручку, один раз в дверь мощно ударили, явно чьим-то телом, но никто не пытался войти. Драка в коридоре шла за еще пустые квартиры, и те, кто дрался, были слишком

заняты, что бы взламывать запертые двери.

Ад закончился за полчаса. Еще полчаса Фирсон сидел в тишине, ожидая повтора, но повтора не было. Он открыл дверь и вышел наружу. Полоса крови тянулась вдоль коридора к выходу, и красные отпечатки ладоней прошлись по двери Фирсона. Он знал, что если пройти по полосе, то в конце нее найдется тело. С таким кровотечением никому не выжить.

Тощий парень в рваной толстовке, хохотавший в толпе, лежал на ступеньках лестницы. Он больше не смеялся, а первые мухи уже облюбовали его лицо. На этажах выше наверняка лежит еще много тел. Кому-то придется вытащить их наружу. Но не Фирсону – его дверь сразу у входа, ему нет нужды идти по лестнице, перешагивая через мертвецов. Сегодня победители битвы за жилье будут праздновать, а завтра потащат тела к реке. Фирсону не придется никого тащить, и его дочь не увидит крови. Почти – кроме одной полосы в коридоре. Ей еще предстоит увидеть много драк и трупов, перестрелок и поножовщины, но не стоит портить этим новоселье.

Сосед выглянул из-за своей двери

– Ну что, заселился? – спросил он, игнорируя кровь на полу и своей одежде.

– Заселился! – ответил Фирсон. – Сегодня семью перевезу.

Сосед вытащил из кармана фломастер и написал на двери

свое имя.

– Одолжишь мне? – спросил Фирсон, и сосед протянул фломастер ему.

Люди выходили в коридор, писали свои имена, стирали кровь с дверей. Они принимали душ, жали кнопки стиральных машин, открывали холодильники.

Никто уже не спрашивал, кто меняет в доме разбитые окна или кто его построил. И никто не спрашивал, почему в пустых квартирах полно еды и дорогой выпивки. Слабые ушли или погибли в драке за жилье. Сильные получили свои дома. И теперь места тут хватит всем! Только это и имело значение.

Новый Год приходит зимой, и жители трущоб жгут костры на улице, дерутся и кричат, поют и ходят в дома друг к другу. Это время, когда можно просто напиться, всем вместе, и не думать ни о чем. В этом году такой же праздник пришел летом. Дом пел и кричал. Дом пил.

Фирсон поднял бокал для шампанского и ударил им по бокалу жены. Коньяк плеснулся внутри.

– С новосельем! – он счастливо засмеялся. Икра, коньяк, мясо! Настоящее мясо, которое было раньше коровой, а не голубем. Его дочь спала так крепко, что он не боялся разбудить ее и услышать кашель. Конечно, новый дом не вылечит ее, но после горячей воды, в тепле, на мягком матрасе, она спокойно спала, первый раз за много дней.

– Соседи! – кто-то постучал дверь. Фирсон открыл, и почти не боялся получить удар ножом. Сосед сменил фломастер на бокал. Он пошатывался, его язык заплетался и не мог выговорить хитрое слов:

– С нововсельем! – заорал он в лицо Фирсону, и тот закричал в ответ:

– С новосельем! Живем!

– Живем! С новсосельем! – сосед отхлебнул, и пошел к следующей двери.

– Он еще ходить может? – спросила жена, когда Фирсон вернулся в комнату.

– Кое-как, – ответил Фирсон, – но еще два этажа обойдет. Но я тут подумал, знаешь, стол и все такое – это конечно круто. Но время почти двенадцать. Ночь уже!

– И что? – спросила жена с невинным видом.

– И то! Мы пока не проверили, как тут устроена кровать! – он поцеловал ее в губы, на этот раз. – Только я схожу, покурю.

– Сходишь? – жена удивленно приподняла бровь.

– Схожу. Тут теперь так все... Так красиво, чисто! Я тут курить не буду, – он встал и чуть пошатнулся. – Пойду на крыльцо. Буду учиться жить красиво!

Очень давно он приехал на зов огней большого города, что бы сделать карьеру и прославиться. С гитарой в руках, на сцене дешевого клуба, он начал свой путь из грязи на вершину мира. Но так и застрял на первом шаге – в грязи. Этот

дом станет вторым шагом, и теперь пора привыкать к повадкам богачей. Например, не курить в детской. А потом... Кто знает, может он снова возьмет в руки гитару!

Фирсон вышел на улицу. У него не было часов, но они были в доме, и он знал, что до полуночи осталась минута, не больше. Праздник в доме походил на Новый Год, и казалось, что в полночь начнется волшебство. Это странное чувство он потерял уже очень давно – если оно вообще было. Но дом стал чудом, на самом деле. Столько лет они боялись в него войти! Столько времени потеряли зря.

Дом за спиной выдохнул. Странный звук, как будто пар выпустили из большой трубы. Фирсон вздрогнул, отбросил окурок. Повадки богачей уже берут верх! Он бросил на землю то, что еще можно было бы докурить. Фирсон открыл дверь. Дом молчал. Никто не кричал, никто не пел похабные песни. Праздник закончился, как только один день сменился другим.

В коридоре чего-то не хватало, и когда волны коньяка в голове чуть расступилась, Фирсон понял, чего. Полосы крови и кровавых отпечатков на стене. И тела, которое празднующие новоселье так и не убрали со ступенек. Его встречал чистый коридор. И чистые двери, не испачканные криво написанными именами. Он вошел в свою квартиру.

– А вот я и дома! – крикнул он, и не получил ответа.

– Ты где? – снова крикнул он.

В спальне, конечно, с дочерью! Наверное, та опять

проснулась. Фирсон открыл дверь. Его жена тут, с дочерью – убеждал он самого себя. А что в доме полная тишина, так это просто совпадение. Иначе и быть не может, его жена тут, с дочерью! Он включил свет и посмотрел на пустую кровать.

Фирсон закричал.

И никто не слышал его в доме после полуночи.

Среди разрухи дом стоял и ждал чего-то. И ждать оставалось уже не долго. В доме не было выбитых окон, и коридоры не были испачканы кровью. Уже нет. Сетка забора блестела на Солнце, надписи на табличках запугивали рассказами про сигнализацию. Толпа всегда действует как дикий зверь, как единое целое, и нужен только тот, кто укажет ей цель.

Толпа текла к дому, и старик с помятой тростью шел впереди.

– Не бойсь, народ, я тут уже ночевал! Места хватит всем! – кричал старик, и толпа отвечала радостным воем.

Металлическая сетка не может удержать серьезный штурм, и в прошлый раз ворота сразу упали на землю. Но сегодня грязный, даже по местным понятиям, человек вышел навстречу толпе и молча встал на ее пути. Толпа остановилась.

Тот, кто когда-то называл его именем Фирсон, мог бы его узнать. Но люди в трущобах меняются быстро, приходят и уходят, строят хижины и умирают. Никто не помнит их долго. И если двадцать семь семей решили однажды исчезнуть,

то это значит лишь, что еще двадцать семь семей смогли занять их дома. Только бородатый старик мог бы узнать его, если бы захотел, а больше никто не помнил имя местного дуручка.

– Стойте! – кричал дурачок, которого раньше называли Фирсоном. – Вам туда нельзя!

Сдавленные смешки пронесли над толпой. Все знали эту шутку, но пока сдерживались.

– О, великий пророк, – старик поклонился ему. – Поведай нам, почему же нельзя входить в этот дом?

– Он проклят! Вы там исчезните! Это пришельцы, пришельцы! Они там всех воруют! – Фирсон сорвал голос и закашлялся. Он начал плакать, а толпа – хохотать. Вот она, местная шутка! Во дает дурачок – дом проклят пришельцами!

– Пришельцы? Ух ты! А может демоны? – спросил старик.

И дурачок согласился – может и демоны! Но в дом нельзя входить.

– Ладно, хорош! Пошли заселяться! Места хватит всем! – закричал старик, и толпа снова потекла вперед. Толпа всегда остается толпой. Новые люди, новые лица, и только старик с помятой тростью всегда один и тот же. Он всегда приводит сюда толпу и всегда говорит: «Места хватит всем!». Фирсон шагнул к старику, схватил его, и крики толпы скрыли тихий звук, который знают все жители трущоб. Звук, который издает человек, когда удар ножа прерывает его вдох.

Люди шли к дому. Никто не смотрел на труп очередного местного дурочка, убитого в случайной поножовщине. Всем плевать и на него, и на его слова. Сегодня дом принимает своих гостей. Его двери не заперты. Слабые погибнут, поливая его пол своей кровью. Сильные займут квартиры и проживут в них до самой полуночи, а завтра их никто не станет искать. Люди в трущобах приходят и уходят, так было всегда и всегда будет.

– Места всем хватит! – кричит старик, и закрывает дверь за спиной последнего, кто пришел искать новое жилье.

Дом соберет самых сильных, тех, кто выживет в драке. Дом голоден, он долго ждал. И теперь его время снова пришло.